

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470)

А. В. Ерёмин

«Византизм» как теоретико-методологическая и политическая основа взаимодействия государства и Русской Православной Церкви в культурно-историческом развитии России (X–XVII вв.)

В статье анализируются закономерности развития государственно-церковных отношений в период с X по XVII в. Прослеживается изменение византийских форм взаимодействия государства и Церкви в культурно-историческом процессе России.

Ключевые слова: церковь, государство, социокультурная деятельность, «византизм», взаимодействие, теория, методология.

A. V. Eriomin

"Byzantinism" as a Theoretical and Methodological and Political Basis of Interaction of the State and the Russian Orthodox Church in Cultural and Historical Development of Russia (X–XVII centuries)

In the article is analyzed gradation of laws development of state-church relations during the period from X to XVII centuries. The change of the Byzantian forms of interaction of the state and the Church in the cultural and historical process in Russia is traced.

Keywords: church, a state, a social and cultural activity, "Byzantinism", interaction, a theory, methodology.

Развитие государственно-церковных отношений в постсоветские годы трудно оценить без понимания особенностей их многовековой эволюции в культурно-историческом процессе России. С момента крещения Руси государство и Церковь существовали в тесном союзе. Это взаимовыгодное партнерство обеспечивалось общностью их идеологических, политических и экономических интересов. В условиях становления российской государственности РПЦ выполняла функцию духовной власти, а потому власть светская была заинтересована в усиленном развитии церковной инфраструктуры, в улучшении ее экономического положения. Высокий уровень религиозности населения страны обеспечивал Церкви роль влиятельного социального института, значение которого в трудные исторические периоды было очень велико. Наиболее свободное и независимое от государства положение РПЦ занимала до момента централизации и усиления Московского княжества, князьям которого на первом этапе развития их «вотчины» была крайне важна поддержка Церкви. Вспомним, напри-

мер, переезд митрополичьей кафедры в Москву в 1326 г. и превращение Московского княжества в духовный центр Руси. С усилением великокняжеской власти, становлением единодержавия при Иване IV Грозном роль и положение Церкви в жизни общества несколько не уменьшились. Однако Церковь превращалась в институт, который находился под прямым покровительством государственной власти и выполнял важные идеологические функции, одной из которых было проведение в жизнь идеи «Москва – третий Рим». Идеальная модель отношения Церкви и государства при централизованной власти – «византийская симфония» Церкви и государства – в таких условиях сосуществования двух институтов не была достигнута. Вышеуказанная модель провозглашает разделение Церкви и государства по причине их разной природы. Первая – институт духовный, второй – сугубо светский. Однако разделение предполагается лишь в институциональном плане, но в плане цели – приведение людей к спасению через обеспечение нравственно-духовных, православных ценностей – они едины,

поэтому должны взаимодействовать вместе на благо общества и государства, но как равноправные партнеры. «Византийская симфония» в полноценном виде не существовала даже в Византии, где верх взяли тенденции сильной государственной власти. В России о модели, подобной этой, мы можем лишь говорить, когда рассматриваем «домосковский» период истории России, воспринявшей от Византии не только веру, но и механизмы государственности, которые, в свою очередь, во многом строились на религиозных аспектах, то есть мы можем проследить в культурно-историческом процессе России взаимосвязь православия и становления государственности.

По мнению В. С. Соловьева, развитие государственности в России было тесно связано с процессом «византизации», то есть с воплощением византийских форм государственности [1]. Одним из ее аспектов является принцип, при котором сильное государство – необходимое условие для общественного существования. Государственная власть охраняет от царства дьявола, заботится о людях перед Богом, то есть правитель несет крест за оберег христиан от зла. Существование такой формы, когда государство берет под опеку Церковь, тем самым нарушая принцип свободного взаимодействия двух институтов, возможен только при заинтересованности обеих сторон. Огромные территории, угроза нападения – объективные факторы исторического процесса, приводившие к осознанию необходимости централизации государства. Они дополнялись стремлением князей к усилению власти, к возвышению своего княжества. Таким образом, поддержка духовной власти была просто необходима. Церковь же была заинтересована в таких условиях существования, которые обеспечивали бы ей безопасность православных устоев, стабильное экономическое положение, всеохватывающую социальную деятельность, транслирование православных идеалов, «воцерковление» общества.

В период централизации русских земель вокруг Москвы Русская Православная Церковь столкнулась с самой большой для себя опасностью – проникновением религиозного рационализма, которое выражалось в первую очередь во влиянии латинства, различных религиозных сект и групп [2]. Так, например, уже в X в. на Руси существовала секта богомилов, в XIV в. на северо-западе было сильно влияние стригольников, в XIV–XV вв. в Новгороде получила развитие ересь жидовствующих, которые подвергали сомнению духовный тип верования, рационально обосновывая свою точку зрения. На литературу,

иконопись распространялось латинское влияние. Деятельность Феодосия Косого, отрицавшего иконы, И. М. Висковатого, который объединил вокруг себя сторонников реализма в иконописи, имела огромную опасность. Принцип Висковатого – «Воображать по плотскому смотрению» [3] – выражал протест против православного видения реальности.

Естественный процесс возвышения Москвы совпал с возрастанием религиозного влияния с Запада. Да и противостояние этой угрозе под предводительством Александра Невского еще в 1240–1242 гг. продемонстрировало РПЦ возможность прямой католизации западно-русских земель. Не случайно Александр Невский – величайший святой в православной традиции. Церкви нужна была в этой ситуации сильная власть и централизованное государство, так как противостоять этой тенденции в одиночку РПЦ не могла. Надо было поддержать консолидацию русских земель, поэтому так важен факт поддержки Церковью Москвы. Возглавлявший Церковь в годы соперничества тверских и московских князей митрополит Петр (1308–1326) занял сторону последних. Так Москва, по словам В. О. Ключевского, оказалась «церковной столицей Руси задолго прежде, чем сделалась столицей политической» [4]. Митрополит Петр логично выбрал Москву, которая развивалась естественным образом в силу своих экономических, географических и геополитических преимуществ и умелой внешней политики. Импульс такому развитию своим духовным авторитетом дала Церковь. К моменту консолидации русских земель, когда они уже могли дать отпор монголо-татарам, сформировалась и основа для византийского типа существования Церкви и государства. Монголо-татары для дальнейшего развития этих основ и укрепления государства были сдерживающим моментом. Следовательно, Церковь тогда начала поддерживать и консолидировать князей и народ, чтобы противостоять монголо-татарам, которые к тому моменту приняли мусульманство. Вспомним деятельность Сергия Радонежского, его влияние на духовный настрой русских войск перед Куликовской битвой 1380 г. Русь победила, и началась централизация государства, процесс «византизации» русского государства. При такой форме государственно-церковных отношений стремление обеспечить религиозную безопасность становится одной из основных функций государственной власти, что непременно отражается на внешних контактах с окружающим миром. Государство выступает защитником православных ценностей в мире, ослабевает государство – возникает опас-

ность для православного идеала: царства Божия на земле. Сильное государство и, прежде всего, его внешние формы (военная мощь, централизованная власть) являются необходимым условием для христоцентричного общества в условиях постоянной угрозы светского образа жизни и рациональности в вере, что несла с собой, с точки зрения РПЦ, западная религиозная традиция.

Опасность рационализации веры существовала и после установления новых форм государственно-церковных отношений. Более того, такая опасность могла исходить и от княжеской власти. Однако авторитет и место Церкви в обществе не давали власти действовать в разрез с церковными интересами. Широко известен спор «нестяжателей» и «иосифлян». Первые отказывались от сильного экономического положения монастырей, вторые, наоборот, считали, что экономически мощные монастыри должны служить центрами просвещения, благотворительности и духовного влияния в обществе. Иван III (1462–1505) поддерживал «нестяжателей». Однако великий князь был вынужден отступить на соборе 1503 г., так как влияние иосифлян оказалось сильнее.

Государство все более и более начинает вмешиваться в дела Церкви. Показательным в этом отношении является его наступление на судебный иммунитет церковной иерархии. Первым шагом здесь стало введение практики двойной подсудности – по гражданским и уголовным делам – людей Церкви. Впервые она была оформлена в договорной грамоте Василия I с митрополитом Киприаном. Василий II (1425–1462) продвинулся еще дальше: в грамоте игумену московского Симонова монастыря, выданной в 1460 г., устанавливалась его подсудность по светским делам только великому князю. Иван III стремился этот порядок распространить и на другие монастыри и соборные Церкви. Н. П. Сидоров отмечал: «Церковь в борьбе с “нестяжателями” и еретиками сверх духовной борьбы в целях самозащиты и укрепления своего материального благоденствия ... ухватила за государственный меч и продала навсегда свое первородство за чечевичную похлебку» [5].

Следующим шагом для православного богословия было формирование учения, которое поднимало бы духовный авторитет Русского государства, усиливало бы национальное единение. Сама ситуация в Константинополе этому способствовала. Константинополь в поисках военных союзников для отражения угрозы турецкого завоевания обращается к странам Западной Европы. Ради этого он готов пойти на восстановление отношений с Римским папой, прерванных без

малого 400 лет назад. В 1438–1439 гг. на Ферраро-Флорентийском соборе обсуждаются догматические и канонические основания унии между западной и восточной церквями. 5 июля 1439 г. после долгих и бесплодных теологических дискуссий акт об унии на условиях Ватикана был подписан. Константинопольская Церковь признала власть папы. Василий II Темный отказался подписать унию. В 1448 г. собор русских епископов поставил «митрополитом на всю Русь» Рязанского епископа Иону, нареченного на этот пост еще в 1436 г. Таким образом, была установлена де-факто автокефалия русской Церкви. Установление автокефалии русской Церкви и политическое укрепление государства создали условия для прямого вмешательства московских великих князей в дела Церкви.

В немалой степени возникновению такого порядка вещей способствовала и сама Церковь, придав власти великого князя (затем царя) сакральный характер. Митрополит Макарий (1542–1563) в речи при венчании 16-летнего Ивана IV Васильевича на царство, пользуясь словами Иосифа Волоцкого, так говорил о высоте царского сана: «Слушайте, цари, и разумеите, яка от бога дана держава вам и сила от Вышнего; вас бо господь вместо себя избрал на земле». Таким образом, как отмечает А. В. Карташов: «Царь Иван Васильевич имел множество оснований, главным образом данных ему представителями церкви, чтобы смотреть на свою власть как на теократически абсолютную» [6].

29 мая 1453 г. под ударами турок – мусульман пал Константинополь. Это событие было воспринято как кара за вероотступничество. Московская Русь стала самым могущественным православным государством, а русская Церковь – крупнейшей из православных Церквей. В Московском государстве обретает популярность идея о том, что после падения Византии достоинство ее императора по праву наследует великий князь Московский. Брак Ивана III с племянницей последнего императора Константина XII Софьей Палеолог, заключенный в 1472 г., призван был подкрепить правомерность этих притязаний.

Идея «Москва – третий Рим» впервые была сформулирована около 1523 г. ученым монахом Псковского Елизарова монастыря Филофеем в послании дьяку великого князя Василия III М. Г. Мисюрю Мунехину. В послании говорилось: «Вся христианская царства приидоша в конец и сниидоша в едино царство нашего государя, по пророческим книгам то есть Ромейское царство. Два убо Рима падоша, а третья стоит, а четвертому не бытии» [7]. Филофей возводит русскую го-

сударственность к «Ромейскому царству», к эпохе императора Августа (конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.), устанавливая с ним генеалогическую связь рода русских князей Рюриковичей через его мифического брата Пруса. При этом «Ромейское царство» не исторически определенное и проходящее государственно-политическое образование, но духовная по своей природе, неразрушимая функция. Кроме того, «Ромейское царство», современное земной жизни Иисуса Христа, является вмещением первоначальной – апостольской – Церкви. Ни Великий Рим, ни греческое государство, по Филофею не смогли сохранить в неповрежденном виде «Ромейское царство» и одухотворяющую его христианскую церковь. Россия же является их наследницей, она восприняла в себе и это царство, и эту церковь непосредственно.

Идея «Москва – третий Рим» была подхвачена и развита последователями Филофея. Митрополит Макарий включил ее в свои великие «Четьи-Минеи» – свод житий святых и произведений религиозно-нравственного характера. Присутствует она и в грамоте об учреждении Московского патриаршества (1589 г.)

Стоглавый собор 1551 г. окончательно оформил систему Византийского типа государства, когда власть и церковь неразделимы, а государство исполняет охрану «Ромейского царства», истинного христианства [8].

Иван IV прямо называл ересью католичество и западное христианство. Для него православие – основа жизни народа. Когда папский легат, генерал ордена иезуитов Антоний Поссевино, известный теолог, выехал в Москву и встретился с Иваном Грозным, который был очень просвещен в богословских вопросах и мог дать фору любому в смысле знания богословия, он услышал от него следующие слова: «Мы уже с самого основания христианской Церкви приняли христианскую веру, когда брат апостола Петра Андрей пришел в наши земли, затем отправился в Рим, а впоследствии, когда Владимир обратился к вере, религия была распространена еще шире. Поэтому мы в Московии получили христианскую веру в то же самое время, что и вы в Италии, и храним ее в чистоте, в то время как в римской вере 70 вер, и в этом ты мне свидетель – Антоний – об этом ты говорил мне в старице» [9]. Здесь Иван IV предстает ревностным защитником православия. Важно то, что, поставив Церковь в зависимость от власти, последняя обрекла ее на зависимость от политической борьбы и властных неурядиц.

Итак, «Византийская симфония» даже в самой Византии была идеалом. У нас она получила во-

площение лишь в древней Руси, в Московский период возобладала Византийская форма – последний шаг перед установлением «цезарепатризма», который воплотил в жизнь Петр I. В Византии подобная форма утвердилась уже в более поздние века существования восточно-римской Империи, и причиной была, вероятно, опасность реформации православной веры, впрочем, и никакая форма не спасла ее от этого процесса. Об этом говорил в своем труде «Византизм и Россия» В. С. Соловьев. Он приводит цитату из постановления Константинопольского (патриаршего) Синода, произнесшего в 1056 г. анафему на папских легатов и на всю западную Церковь: «Некоторые нечестивые люди пришли из тьмы запада в царство благочестия и в сей богом хранимый град, из коего как из источника вытекают воды чистого учения до концов земли» [10].

После смерти Ивана IV русская Церковь неминуемо начинает переживать смуту, которая происходит в государстве. Правда, на волне становления «византизма», когда после завоевания турками Византии и других стран Ближнего Востока в 50-х гг. XV в. положение Константинопольской Церкви, как и других православных церквей (Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской), резко изменилось к худшему, на Руси учреждается патриаршество (1589). Это событие стало свидетельством возрастающей роли РПЦ в государстве.

В период смутного времени Церковь была втянута в политическую борьбу. В условиях многократной опасности для веры она сумела объединить вокруг себя народ и восстановить православные основы государства.

С 1613 г. начинается благоприятный для РПЦ период. Был выбран царь, который устраивал Церковь, – Михаил Федорович Романов. Государственно-церковные отношения при его правлении еще сильнее переплелись, так как государственную политику определял его отец – патриарх Филарет. Естественным образом власть Церкви встала на некоторое время даже выше государственной.

В этом плане очень показательным был период патриаршества Никона. Еще при патриархе Иосифе возникла группа «ревнителей благочестия», в которую входили Никон (архимандрит Ново-Спасского монастыря) и царь Алексей Михайлович. Начался процесс реформирования Церкви. Если стоглавый собор 1551 г. хотя и формально, от лица Церкви обратился к государственной власти за санкциями против носителей пережитков язычества, то Земский собор 1648–1649 гг. – орган светский – по инициативе «ревнителей» уже пря-

мо возлагает на государство функцию блюстителя православного благочестия.

Конечно, реформы были необходимы с точки зрения приведения в порядок церковной инфраструктуры, но главной причиной было все возрастающее западное влияние в вопросах веры. Существовала реальная перспектива соединения России с левобережной Украиной, где священники были подвержены влиянию западного христианства. Вспомним, что после унии 1439 г. во главе западно-украинской Церкви был митрополит Исидор, который выступал за единство католической и православной веры, признавал первостепенное положение западной Церкви.

В 1652 г. Никон становится Патриархом. Как противостоять западно-христианскому влиянию? Церковь не находит иного выхода, как воскрешение Византийской традиции. С точки зрения догматов это не меняло ничего. Нужен был сам факт – показать истинность веры и прямую ее последовательность от Византии. Русское православие развивалось в системе языка Кирилла и Мефодия, Никон же решил повернуть богословие в сторону греческого языка и согласования с греческой традицией. Это породило раскол, который был очень трагичен в истории русской Церкви. Однако реформа ничуть не изменила менталитет народа. Она не меняла ни социального видения Церкви, ни догматов, ни структуры, ни представлений верующих, так как, хотя изменений и было достаточно, все они были по сути формальными. Таким образом, люди быстро приспособились. Реформа имела большое значение в плане возвышения Церкви через византийскую преемственность, однако Никон вышел за рамки византийских форм государственно-церковных отношений, посягнув на авторитет царской власти. Он обрек себя на поражение, ибо по установившимся через догматы механизмам светская власть находилась в руках царя и Церковь не могла на нее посягать. В византийской традиции не было таких элементов, они были чужды ей. А потому боярин Юрий Ромодановский, посланный царем Алексеем Михайловичем в Успенский собор во время утрени в честь праздника Положения ризы Господней, заявил: «Царское величество на тебя гневен. Потому и к заутрени не пришел, не велел его ждать и к литургии. Ты пренебрег царское величество и пишешься Великим государем, а у нас один Великий государь – царь. Царское величество почтил тебя, как отца и пастыря, но ты не уразумел. И ныне царское величество повелел сказать тебе, чтобы впредь ты не писался и не назывался Великим государем, и почитать тебя впредь не будет» [11].

Таким образом, можно говорить о том, что к XVIII в. в России сложилась Византийская модель

государственно-церковных отношений, политической основой которой была идея «Москва III Рим». Эта идея обеспечивала определяющую роль Церкви и православной веры в культурно-историческом процессе России. Идея «Византийской симфонии» не была реализована в силу первостепенного значения светской власти в деле сохранения незыблемости православной традиции в условиях угроз со стороны расколов и ересей. Такой механизм государственно-церковных отношений подготовил основу для формирования крайней формы «Византизма» – «Цезарепапизма» – модели, которая будет определять положение Церкви с начала XVIII в. вплоть до 1917 г.

Примечания

1. См.: Соловьев, В. С. Византизм и Россия [Электронный ресурс] / В. С. Соловьев. – Режим доступа: www.civitasdei.boom.ru.
2. См., напр.: Клибанов, А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой пол. XVI в. [Текст] / А. И. Клибанов. – М., 1996; Флоровский, Г. В. Пути русского богословия [Текст] / Г. В. Флоровский. – Вильнюс, 1991; Лурье, Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – нач. XVI века [Текст] / Я. С. Лурье. – М.; Л., 1960; Оттенский, Зиновий. Истины показания к вопросившим о новом учении [Текст] / Зиновий Оттенский. – Казань, 1863 и др.
3. См.: Флоровский, Г. В. Ук. соч.
4. Ключевский, В. О. Сочинения [Текст] / В. О. Ключевский. – Т. 2. – М., 1957. – С. 24.
5. Цит. по: Клибанов, А. И. Духовная культура средневековой Руси [Текст] / А. И. Клибанов. – М., 1996. – С. 100.
6. Карташов, А. В. Очерки по истории русской Церкви [Текст]: в 2 т. / А. В. Карташов. – Т. I. – М., 1992. – С. 439, 441.
7. См.: Сеницына, Н. В. Автокефалия русской Церкви и учреждение Московского Патриархата [Текст] / Н. В. Сеницына // Церковь, общество и государство в феодальной России. – М., 1989. – С. 126–151.
8. См.: Российское законодательство X–XX вв. [Текст]: в 9 т. – Т. II. – С. 336.
9. Поссевино, А. Исторические сочинения о России XVI века [Текст] / А. Поссевино. – М., 1983. – С. 81.
10. Соловьев, В. С. Византизм и Россия [Электронный ресурс] / В. С. Соловьев. – Режим доступа: www.civitasdei.boom.ru. – С. 696.
10. Цит. по: Лебедев, Л., прот. Москва патриаршая [Текст] / прот. Л. Лебедев. – М., 1995. – С. 117.
11. Карташов, А. В. Православие в его отношении к историческому процессу [Электронный ресурс] / А. В. Карташов. – Режим доступа: www.civitasdei.boom.ru